

СОДЕРЖАНИЕ

Предуведомление автора	5
Эмиграция из России (XVI–XX вв.): историческая справка	12

Дипломатия в изгнании

«Парижский губернатор» (В. А. Маклаков)	48
Посол несуществующей страны (Б. А. Бахметев)	117

Русские деньги за рубежом

Царское наследство	188
Английские приключения русского золота	200
Генералы и деньги («Врангелевское серебро»)	211

В поисках выхода

Владимир Бурцев и его корреспонденты, 1919–1938	260
«Коммунистов бей ты враз!»: Братство Русской Правды — последний литературный проект С. А. Соколова-Кречетова	285
«Кажется, скоро русских придется искать лишь среди евреев» (Из переписки Василия Маклакова и Оскара Грузенберга)	330

Русская эмиграция и Вторая мировая война

Русские евреи-эмигранты накануне и в начале Второй мировой войны (Из переписки Б. Л. Гершуна и А. А. Гольденвейзера)	372
«Не погибать же всей зарубежной русской литературе»: К истории создания «Нового журнала»	421
1945 год и русская эмиграция (Попытка примирения).	436
«Дело» Нины Берберовой	478

Очерки и портреты

Завтра не имеет значения (Ленин в письмах Лидии Дан)	528
«Дело Парамоновых» (от Ростова до Лос-Анджелеса)	548
Наследник Ключевского (А. А. Кизеветтер)	563
Хозяин «Русского дома» (Е. В. Саблин)	585
«Первая леди» лондонской эмиграции (А. В. Тыркова)	595
Внучка президента при дворе императора (Юлия Кантакузен-Сперанская)	605
Гражданин княжества Лихтенштейн (Н. А. Базили)	611
Именной указатель	617
Сведения об авторе	630

ПРЕДУВЕДОМЛЕНИЕ АВТОРА

Жоржу Дантону приписывают фразу: «Родину нельзя унести с собой на подошвах сапог». Фраза красивая, но, отказавшись покинуть Францию, голову Дантон потерял. В буквальном смысле этого слова. В том, что большинство эмигрантов «слопала» бы «поганая, гутнивая родимая матушка Россия, как чушка своего поросенка»¹, подобно тому как это случилось с Александром Блоком, останься они на родине, сомневаться не приходится. Похоже, русская эмиграция сумела опровергнуть знаменитое высказывание Дантона. Как только ни называли эмигрантов «первой волны» (1918–1940) — Русским зарубежьем, второй Россией (следовательно, Россия с ГПУ — НКВД и Гулагом признавалась первой), «Россией за рубежом» (автор классического труда о культуре русской эмиграции Марк Раев настаивал именно на такой формуле²). Ясно одно — это была другая Россия. Книга, которую Вы держите в руках, — о людях другой России: юристах, дипломатах, предпринимателях, военных, политиках, писателях. Мы не знаем, какой была бы Россия, если бы революция не срезала ее тонкий культурный слой и если бы бежавшие и изгнанные остались на родине и в конечном счете работали на ее благо. Зато знаем, какой она стала без них.

Теперь о том, откуда «выросла» эта книга и о чем в ней говорится. Больше четверти века назад я впервые перешагнул порог архива Гуверовского института войны, революции и мира, что при Стэнфордском университете в Калифорнии. В Гуверовском архиве хранится крупнейшее собрание материалов о России, находящееся за ее пределами. Приехал я в Стэнфорд

¹ Письмо А. А. Блока К. И. Чуковскому. 26 мая 1921 // Литературное наследство. Т. 92: Александр Блок: Новые материалы и исследования. Кн. 2. М., 1981. С. 242.

² Raef, Marc. *Russia abroad: a cultural history of the Russian emigration, 1919–1939*. New York: Oxford University Press, 1990.

на академический год работать над проектом «Терроризм в России: между реформой и революцией». Почему надо было для изучения терроризма в России лететь за океан, специалистам понятно без объяснений. Для нормальных людей: в Гуверовском архиве хранится огромная коллекция (216 коробок) Заграничной агентуры Департамента полиции, в просторечии именуемой Заграничной охранкой. Эта структура занималась слежкой за революционерами-эмигрантами, террористами в особенности. Кроме того, в Гувере находится колоссальное собрание (811 коробок документов!) знаменитого архивиста и историка революционного движения Бориса Николаевского. В его коллекции есть и несколько коробок бумаг *enfant terrible* терроризма Владимира Бурцева, которые меня особенно интересовали. Как, впрочем, и переписка Николаевского с лидером эсеров Виктором Черновым и многими другими идеологами и практиками революционного терроризма.

Через две недели я забросил террористов и «постригся» в историки русской эмиграции. Стал читать, по совету сотрудницы архива из парижских русских Ольги Верховской-Данлоп, из любопытства, переписку Василия Маклакова с Марком Алдановым, потом с Борисом Бахметевым, Оскаром Грузенбергом, Ариадной Тырковой, Василием Шульгиным и многими другими. Это оказалось таким «пиршеством духа», интеллектуальным наслаждением, письма были столь хороши как по содержанию, так и по форме, что на этом фоне «мои» террористы как-то поблекли. Возможно, окажись это не письма Маклакова, лучшего оратора России и, возможно, самого умного русского человека XX века (ну, пусть одного из самых умных), эффект был бы другим. Но что случилось, то случилось.

Настоящим открытием для меня стала эмигрантская переписка: по степени откровенности, а нередко и литературного блеска она частенько (почти всегда!) существенно превосходила опубликованные мемуары или статьи тех же авторов. Некоторые письма представляли собой настоящие трактаты длиной 20, 30, иногда 50 и даже 70 машинописных страниц. Письма — это источники, на которых, по выражению А. И. Герцена, «запеклась кровь событий». Это история почти в реальном времени. В эпоху Интернета эпистолярный жанр, очевидно, умер.

Это то небольшое, что можно поставить в невольную вину Всемирной сети.

В целом у меня, как, очевидно, и у большинства людей, проявлявших в той или иной степени интерес к истории эмиграции, она ассоциировалась преимущественно с литературой, шире — с культурой. Вероятно, это справедливо и культурное наследие российской эмиграции остается самым важным. Но здесь было нечто иное и иные — далеко выходящее за рамки традиционного круга тем и набора имен. Проблемы, волновавшие как эмигрантских нотаблей, так и, разумеется, «рядовых» эмигрантов, касались способов заработать на жизнь, трудоустройства, получения виз и видов на жительство, финансирования эмигрантских учреждений. Но, разумеется, не только этого. Вопросы преодоления большевизма, методов восстановления России после хаоса и разрушений революции и Гражданской войны были неизменной частью повестки дня эмигрантских интеллектуалов. Одним из центральных был вопрос о том, какой, собственно, должна стать новая, постбольшевистская Россия? Эмиграция была очень разной, и противоречия между различными группами российского общества перекочевали за границу. Это касалось и способов борьбы с большевизмом, который одни считали наваждением, мороком, другие — самым национальным русским явлением. Одни возлагали надежды на «весенний поход» (так никогда и не состоявшийся) или на терроризм, другие — на эволюцию большевизма, его разложение изнутри, третьи — на помощь за границы, которую в то же время многие эмигранты не уставали поносить.

Результатом увлечения историей эмиграции стали две монографии, вышедшие в НЛО: «Деньги русской эмиграции: Колчаковское золото, 1918–1957» (2008) и «Русско-еврейский Берлин (1920–1941)» (2013, в соавторстве с Александрой Поляной). А также ряд документальных публикаций, прежде всего эпистолярного наследия Василия Маклакова и его корреспондентов, в том числе его переписка с Борисом Бахметевым в 1919–1951 годах («Совершенно лично и доверительно!», в 3 томах, 2001–2002), Василием Шульгиным в 1919–1939 («Спор о России», 2012), Марком Алдановым в 1929–1957 («Права человека и империи», 2015). Перечень не исчерпывающий.

Подготовка исследований и документальных публикаций стала возможной благодаря работе в зарубежных архивах. Дело не только в том, что именно за рубежом хранятся значительные комплексы эмигрантских материалов (другое крупнейшее собрание — Русский заграничный исторический архив в Праге — был вывезен в СССР в 1945 году и находится с тех пор в Госархиве Российской Федерации). Не меньшую роль сыграли условия работы в заграничных архивах. Потрясения начались в Гувере: материалы там подают каждые два часа (при первом визите их принесли тут же, чтобы новенький не тратил зря времени), причем можно заказать сразу до 10 коробок с бумагами; ксерокс стоял прямо в зале, и можно было самостоятельно копировать заинтересовавшие документы. Цена вопроса — 10 центов лист, а если купить сору card за \$50, то и вовсе снижалась до 7 центов. Ограничения — не более 100 листов из каждой коллекции (по принятой в России терминологии — фонда) в год. Впрочем, как говорят в Одессе, «кто вам считает...». Если нужно существенно больше, требуется всего лишь написать заявление, и с отказами я не сталкивался. Вообще, отношение архивистов к исследователям в Гувере было просто замечательным. Не могу не вспомнить добрым словом Елену Дэниелсон, Кэрл Лиденхэм, Рональда Булатова, Лору Сороку, Анатолия Шмелева, «хозяйку» Гуверовской библиотеки Молли Моллой.

Кончилось все это тем, что большую часть моего багажа при возвращении из Америки составляли 40 кг ксерокопий. Не считая того, что было переслано по почте. К моей досаде, архив закрывался в 17:00; открывался, правда, в бесчеловечные восемь утра. Это, пожалуй, единственное, что можно «поставить в вину» Гуверовскому архиву. Сейчас страсть к документам на бумаге кажется несколько наивной. Но то была середина 1990-х годов, и вряд ли кто-нибудь тогда мог вообразить, какими стремительными темпами будут развиваться современные технологии.

Затем последовали изыскания в Бахметевском архиве русской и восточноевропейской истории и культуры при Батлеровской библиотеке редких книг и рукописей Колумбийского университета. Это второе по масштабам собрание материалов, относящихся к истории России, за рубежом. Местные архивисты,

узнав, что я приехал из Гувера, спросили: «Правда, что там подают материалы через два часа?» — «Да», — ответил я с гордостью за «свой» Гувер. Реакция была неожиданной: «Какой ужас!» В Бахметевском подают (вывозят на тележке) материалы исследователям через 15 минут! Правда, с копированием там были проблемы: копии нужно было заказывать задолго заранее и в ограниченном количестве. Теперь эта проблема в Бахметевском, как и практически во всех зарубежных архивах, снята: материалы можно фотографировать, без всяких ограничений и совершенно бесплатно. В результате бумажные завалы сменились тысячами кадров, в которых непросто разобраться.

Важные бумаги по интересующей меня проблематике обнаружили и в британских архивах — в рукописных отделах Бодлеанской библиотеки в Оксфордском университете и Школы славянских и восточноевропейских исследований Университетского колледжа Лондона. Но в особенности — в Русском архиве в Лидсе, где нашлось последнее звено в истории так называемого золота Колчака.

Считаю приятной обязанностью выразить признательность за многолетнее сотрудничество и дружбу куратору Бахметевского архива Татьяне Чеботаревой и Русского архива в Лидсе Ричарду Дэвису.

Все это время я довольно регулярно публиковал статьи и документы преимущественно личного происхождения в различных журналах и сборниках. Среди них были и вполне академические и статусные журналы, вроде «Нового литературного обозрения» и «Отечественной истории» (затем переименованной в «Российскую историю»). И замечательный альманах «Диаспора», основанный покойным, увы, Владимиром Аллоем, издававшийся Татьяной Притыкиной под редакцией безвременно ушедшего из жизни в недоброй памяти 2020 году Олега Коростелева. Некоторые тексты были опубликованы в различных малотиражных академических сборниках или в практически недоступных в России эмигрантских изданиях. В частности, в роскошном журнале «Колоколь», издававшемся в Лондоне Александром Шлепяновым, сценаристом знаменитого советского шпионского фильма «Мертвый сезон». В первом номере журнала Ильич (Шлепянов иногда подписывался «Ваш Ильич»)

честно предупредил: «Герцена среди нас нет». Однако среди авторов журнала были Василий Аксенов, Василь Быков и немало других замечательных авторов. Увы, об Александре Ильиче тоже приходится говорить — покойный¹.

Многие из моих «эмигрантских» текстов собраны в настоящем томе. Большинство их существенно доработано с учетом новых архивных материалов и публикаций. Некоторые печатаются впервые. Тексты организованы по тематическому принципу и отражают, с одной стороны, исследовательские интересы автора, но главное — недостаточно изученные, на мой взгляд, аспекты истории эмиграции. Одна из тем — поиски путей преодоления большевизма и одновременно поиски новой России, неведомой страны, которой она должна была стать. Страны воображаемой, проектируемой, которая и сейчас только маячит на горизонте. Посол Временного правительства в Вашингтоне Борис Бахметев мечтал о создании новой, демократической, «крестьянско-купеческой» России. Он считал, впрочем, что это не мечты, а вполне реальный план и что его соотечественники стремятся к свободе, самоуправлению, продуктивному труду. И только большевики им мешают. Сходным образом рассуждали и некоторые другие парижские или нью-йоркские мечтатели.

Еще один сюжет — о деньгах, которых остро не хватало и рядовым, и не вполне рядовым эмигрантам, и эмигрантским институциям, будь то Совет российских послов в Париже или Русская армия генерала Петра Врангеля, которую он упорно стремился сохранить под ружьем. В распоряжении Совета послов оказались остатки средств, вырученных от продажи золота Колчака, в руках Врангеля — Петроградская ссудная (серебряная) казна, иными словами — ломбард. О том, как послы распорядились последней частью золота Колчака и что стало с «серебром Врангеля», рассказывается в соответствующем разделе, так же как о судьбе царского наследства — средств императорской фамилии, оказавшихся за границей. На которые нашлось тогда столь много претендентов, включая внезапно «воскресшую» великую княжну Анастасию.

¹ См. о нем: In Memoriam: Александр Шлепянов // *Connaisseur: Историко-культурный альманах* / Сост. и ред. Иван Толстой. Прага, 2018. № 1. С. 3–57.

Одна из важнейших тем тома — русская эмиграция и Вторая мировая война, приведшая к очередному расколу и без того недружной эмиграции. Одни считали, что против большевиков надо идти хоть с чертом, даже если его зовут Адольф Гитлер, другие участвовали в Соппротивлении и даже уверовали в перерождение советской власти в годы войны и пытались с ней примириться.

Борис Бахметев предрекал, что после «троглодитного периода», подразумевая под этим большевизм, в России «при всяких обстоятельствах в результате придут Колупаевы и Разуваевы и что их-то правительство и будет началом прочного благосостояния и процветания»¹. Колупаевых и Разуваевых у нас в избытке. Остается надеяться, что благосостояние и процветание не за горами.

Кому адресована эта книга? Любому человеку, интересующемуся российской историей и культурой, в особенности историей эмиграции. Надеюсь, что книга окажется полезной специалистам и интересной для людей, еще не отвыкших читать книжки.

¹ Б. А. Бахметев — В. А. Маклакову, 2 декабря 1920 // «Совершенно лично и доверительно!» Б. А. Бахметев — В. А. Маклаков: Переписка 1919–1951. В 3 т. Публ., вступ. статья и комментарии О. В. Будницкого. М.; Стэнфорд: РОССПЭН; Hoover Institution Press, 2001. Т. 1. С. 293–294.